

Глава 22. Эх, целых девяносто процентов...

Под пристальным взглядом Люциуса Добби окончательно заерзал. Будущее казалось туманным, но куда больше его сейчас занимало другое: с какой стати этот карапуз, которого он только что едва не отправил на тот свет, смотрит на него столь странно? Добби чувствовал себя сочным куском отборной говядины, выставленным перед изголодавшимся гурманом. Маленький Малфой смотрел с гастрономическим восторгом.

Ощущение было донельзя нелепым. В глубине души Добби по-прежнему считал себя взрослым человеком и пасовать перед ребенком не собирался, но все же невольно поправил чайное полотенце и робко позвал:

— Юный господин?

«Мерлин, неужели у мальчишки крыша поехала от испуга? — промелькнуло в голове. — Хоть бы обошлось. Если Абраксас Малфой — этот холеный индюк, который при всей своей спеси остается хладнокровным главой рода, — прознает, что его драгоценный наследник лишился рассудка, мне не жить. Да и Бета, которая старше меня на добрую сотню лет, спустит с меня шкуру. Смертный приговор, без вариантов».

Да и, если честно, вредить ребенку Добби не хотел. Малец ведь ни в чем не виноват, вся жизнь впереди. Окажись он калекой по его вине — совесть потом до гробовой доски загрызет.

Услышав робкий голосок, Люциус вздрогнул. Встретившись взглядом с недоумевающим эльфом, мальчик притворно закашлялся. Он поспешно провел ладошкой по лицу — от лба до подбородка, — стирая предвкушающую, излишне хищную ухмылку, и незаметно смахнул выступившую на виске испарину.

«Чуть не выдал себя, — подумал Люциус, внутренне содрогаясь. — Пойми этот проныра, что я замышляю, пиши пропало. Редчайший шанс подчинить его обернулся бы очередной катастрофой. Слишком, слишком опасно».

— Все в порядке, пустяки, — он изобразил на лице самую невинную, очаровательную улыбку и, покачивая пухлым тельцем, шагнул ближе к краю купальни.

Малыш действительно отличался завидной упитанностью. Абраксас души не чаял в сыне и заваливал его лакомствами с утра до вечера: где бы наследник ни находился, под рукой всегда оказывалось что-нибудь вкусненькое, чтобы почесать зубки. Подобная диета была традицией для всех отпрысков Дома Малфоев. До одиннадцати лет они напоминали аккуратных наливных херувимов, и лишь исключительная генетика спасала их от ожирения — к третьему курсу Хогвартса эти пухляши неизменно вытягивались, превращаясь в изящных, тонкокостных красавцев.

— Так что с тобой стряслось, Добби? — мягко спросил Люциус.

Добби с легким умилением смотрел на приближающегося карапуза. Правы были те, кто говорил, что дети — наполовину бесенята, но наполовину все же ангелы. Эльф прослезился.

— Юный господин, вы точно целы? — пропищал он, чувствуя, как сдавило горло. — Может, мне применить исцеляющие чары?

«Мерлин, ну и раскис же я, — мысленно выругался Добби, потирая сухие, похожие на ветки лапки. — Неужели эта слезливая натура домашнего эльфа берет верх? Надо скорее брать это тело под полный контроль, пока я окончательно не превратился в истерика».

Люциус машинально коснулся шеи, на которой еще алели следы чужих пальцев, и неловко усмехнулся:

— Ерунда. Приму восстанавливающее зелье, и все пройдет. Но ты так и не ответил, Добби. Что это было?

Мальчик держался настороже. Рисковать собственной шеей и подставляться под удар этого... монстра он больше не собирался. Теперь в глазах юного аристократа личный домашний эльф выглядел куда страшнее грозных темных магов, о которых рассказывал отец. Те злодеи хотя бы пользовались заклинаниями, от которых можно закрыться щитом, а этот безумец предпочитал банальную рукопашную. Для потомственного волшебника нет ничего более унижительного и пугающего, чем примитивный кулачный бой.

Добби промолчал. Растрогаться-то он растрогался, но раскрывать карты не собирался. Контракт господина и слуги делал его собственностью Малфоев. Стоит хозяевам заподозрить, что раб обрел свободу воли и именно поэтому позволяет себе дерзости, пиши пропало. В лучшем случае его уничтожат, в худшем — устроят геноцид домашних эльфов по всей Британии, лишь бы не допустить бунта.

«Людской эгоизм безграничен, — думал он. — На Земле люди веками истребляли другие виды ради территорий или ценного меха. С домашними эльфами вышло так же: волшебники поработили их ради собственного комфорта, сковав нерушимыми клятвами. Если они поймут, что вековые узы дали трещину, несчастных существ просто сотрут с лица земли или наложат новые, куда более жестокие проклятия».

Пусть эти ушастые создания не отличались красотой и порой жутко раздражали, они все же были живыми. Добби не мнил себя святошей, пекущимся о благе всего мира, но выдавать тайну было невыгодно прежде всего ему самому. Либо запрут в лаборатории как подопытную крысу, либо казнят. Подышать зазря не хотелось. Пусть в последнее время его поступки и отдавали легким безумием, клиническим идиотом он не был. А совершать самоубийство, не прихватив с собой на тот свет врагов, — увольте.

— Да так... ничего особенного, юный господин, — Добби понурил голову, старательно избегая смотреть на застывшего перед ним карапуза. — Виноват. Прошу, накажите меня за непочтительность, как сочтете нужным.

«Малыш, конечно, упитанный, так и подмывает ущипнуть за щеку, но сейчас не до нежностей. Надо зубы ему заговорить».

Люциус прищурился, задумчиво потирая круглый подбородок.

«Врет и не краснеет, — сообразил мальчик. — Точно произошло что-то любопытное, просто этот упрямец не желает колотиться. Ладно, не лезу пока на рожон. Всему свое время, выведаю еще. Главное — приручить этого строптивца».

Внутренне Люциус победно рассмеялся. Получить сильного, одаренного мага-домашнего эльфа ценой синяков на шее — сделка более чем выгодная.

— Раз не хочешь говорить, не надо, — вздохнул Люциус, напустив на себя виноватый вид. — Я и сам хорош, перегнул палку. Но согласись, Добби, ты ведь мой личный домашний эльф. Когда ты так со мной воюешь, я выгляжу полным ничтожеством. Скоро мой день рождения, приедут гости, начнется испытание... Как мне смотреть людям в глаза? Личный домашний эльф — это не просто прислуга, это показатель статуса волшебника. По нему судят о силе хозяина. Хороший домашний эльф — надежная опора, а у нас с тобой...

Мальчик замолчал, красноречиво уставившись на Добби. Он словно безмолвно просил: «Пойми, я просто волновался и спешил, я не хотел причинить тебе вред».

Надо было завоевать доверие строптивца. Уж в чем, а в терпении молодому Малфою отказать было нельзя. Рано или поздно этот строптивый домашний эльф признает его авторитет.

Добби молча кивнул. Он прекрасно понимал расклад, просто прежняя обида застилала глаза. Тяжело смириться с рабским клеймом, когда в прошлой жизни ты был абсолютно свободен. Естественно, его так и подмывало взбунтоваться, тем более что этот малолетний нахал так и напрашивался на хорошую затрещину.

Но если взглянуть на ситуацию трезво... Люциус ведь всего лишь ребенок. Растет без матери, отец вечно занят делами рода. Вокруг одни безликие слуги да ворчливые портреты предков на стенах.

«Кажется, я судил его слишком строго, — подумал Добби. — В конце концов, я взрослый мужчина, пусть и запертый в этом нелепом теле, до периода зрелости которого еще расти и расти».

Заметив этот согласный кивок, Люциус просиял. Нынешний разговор прошел куда успешнее предыдущего. По крайней мере, теперь была надежда, что этот несносный эльф перестанет доводить его до белого каления.

— Значит, с сегодняшнего дня мы ладим? — Люциус широко улыбнулся и протянул Добби

крошечную пухлую ладошку.

Добби неверующе уставился на протянутую руку. Дрожащими пальцами он осторожно обхватил мягкую ладошку мальчика.

В этот миг плотину прорвало.

Кто мог понять его боль? Кто знал, каково это — лишиться всего в один миг, когда нелепая ледяная глыба оборвала его человеческую жизнь и зашвырнула душу в тело бесправного раба? Вокруг него были другие эльфы, но они не были людьми. Они послушно склоняли головы, готовые расшибиться в лепешку ради прихоти хозяев, лишенные даже зачатков гордости. Для Оуяна Цичжи такое существование было пыткой. Он метался в клетке чужого разума, задыхаясь от ярости и бессилия, но отчаянно цеплялся за жизнь.

Только потеряв привычный мир, начинаешь его ценить. И пусть теперь у него уродливые уши и костлявые руки, он не собирался сдаваться.

Теперь он понимал, зачем в китайских легендах мертвым дают выпить отвар госпожи Мэн, стирающий память. Забыть прошлое — это милосердие. Начинать новую жизнь с грузом прежних воспоминаний, зная, кем ты был и кем стал, — изощренная пытка, способная свести с ума любого.

И вот этот избалованный мальчишка, который должен был понукать им, протянул ему руку. Как равному.

Смешно. Оуян Цичжи так долго бился за крохи человеческого достоинства, а получил их от семилетнего карапуза. Но это теплое пожатие вернуло ему почву под ногами. Оно доказало, что он все еще человек.

Домашний эльф горько расплакался. Он посмотрел на Люциуса с теплотой.

И в этот же миг внутри Добби словно полыхнуло пламя. Магические оковы духа, до этого поддававшиеся с огромным трудом, затрещали и начали стремительно плавиться. Контроль над телом эльфа, застывший на отметке в восемьдесят процентов, резко рванул вверх, словно вспыхнувший порох.

Девяносто процентов.

Лишь на этой цифре безумный рост прекратился.

Добби медленно разжал пальцы и ошарашенно уставился на собственные ладони. Внутренне он разразился отборной бранью.

«Мать твою, да как эта чертова система вообще работает?! Стоило один раз расчувствоваться, как этот упрямый барьер рванул, словно извергающийся вулкан! Девяносто процентов... Мерлин всемогущий, ну почему все происходит через такую нелепую сентиментальность?!»

<http://bllate.org/book/18185/1758683>